

ПРИРОДА

№ 7, 2005 г.

К столетию со дня рождения К.К. Маркова и А.П. Жузе

© “Природа”

Использование и распространение этого материала
в коммерческих целях
возможно лишь с разрешения редакции

Сетевая образовательная библиотека “VIVOS VOCO!”
(грант РФФИ 03-07-90415)

vivovoco.nns.ru
vivovoco.rsl.ru
www.ibmh.msk.su/vivovoco

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ

К столетию со дня рождения К.К.Маркова и А.П.Жузе

Муж и жена, одногодки (на этой фотографии им чуть больше тридцати), они прожили вместе 48 лет. Очень разные, оба принадлежали к той человеческой общности, которую называют интеллигенцией. Оба были беззаветно преданы науке и просвещению, оба создали собственную научную школу и оставили учеников. Он — Константин Константинович Марков (7(20) мая 1905 г. — 18 сентября 1980 г.), академик, выдающийся советский географ. Она — Анастасия Пантелеймоновна Жузе (18(31) июля 1905 г. — 12 сентября 1981 г.), доктор географических наук, гидробиолог, принадлежала к числу основателей советской школы морской микропалеонтологии. В их творческой деятельности удачно переплетались обширный кругозор, искромётный талант, смелое дерзание и скрупулезность исследователя-аналитика. В частной жизни им были присущи необычайна скромность, искренняя благожелательность и душевная щедрость. Именно эти качества снискали К.К.Маркову и А.П.Жузе симпатию, доверие и уважение. Таким они остались в памяти коллег и учеников. Отмечая этот двойной юбилей, мы предоставляем слово тем, кто хорошо знал Маркова и Жузе, а также им самим.

К.К.Марков глазами современников

А.А.Свиточ,

доктор географических наук

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

Прошло 25 лет со дня смерти Константина Константиновича Маркова, но до сих пор его с теплой вспоминают на географическом факультете МГУ, где он работал до конца жизни. Мне посчастливилось когда-то быть его молодым коллегой по кафедре. Однако настоящие заметки основаны как на опубликованных, так и на пока не увидевших свет воспоминаниях людей, хорошо его знавших и в большинстве уже ушедших из жизни (эти материалы сегодня готовятся к печати в виде юбилейного сборника). Здесь также использованы материалы самого Константина Константиновича и страницы из дневника его жены — А.П.Жузе.

Молодые годы

Родился К.К.Марков в имении Тийурула близ Выборга (ныне Финляндия) в семье инженера-строителя Константина Васильевича Маркова. Двенадцатый ребенок в скромной офицерской семье, К.В.Марков окончил военно-инженерную академию, но за политические выступления вынужден был уйти из армии и всю оставшуюся жизнь занимался гражданским строительством.

Когда Косте было девять лет, семья распалась. После революции К.В.Марков эмигрировал в Югославию, где преподавал в Белградском университете.

Мать — Мария Ивановна, урожденная Досс, была моложе мужа и происходила из семьи известных русских просветителей Второвых. Ее прадед — Иван Алексеевич Второв, последователь Карамзина, был знаком с Пушкиным, увековечен кистью И.Крамского. К.К. вспоминал, что его мать была идеальной хозяйкой и воспитательницей своих троих детей (Надежды, Геор-

гия и Константина). Она была милостивой, доброй, тихой и мягкой женщиной и рано, в сорок два года, ушла из жизни. После ее смерти воспитанием детей занимались ее двоюродная сестра — О.В.Синакевич и бывшая бонна детей — Е.Я.Грейкис.

Учился Костя Марков в реальном училище для совместного обучения В.П.Кузьминой в Санкт-Петербурге. По воспоминаниям его одноклассницы А.С.Корженевской, это была необычная школа, где учились и мальчики, и девочки, и где талантливые педагоги пытались воспитать развитого человека. В школе учебный цикл реального училища сочетался с программой классической гимназии, включая изучение четырех иностранных языков.

Корженевская отмечала, что «Котя (таким было его детское имя) в первых классах представлял собой очень аккуратного и очень воспитанного мальчика в синем костюмчике с матросским воротником, в коротких штанишках до колен, очень комнатного облика и крайне старательного ученика и вместе с тем охотно с азартом участвовал в играх на большой перемене, а также был инициативен в жизни класса и затеях... В детстве и ранней юности для него была характерна некоторая за-

Мария Ивановна Маркова с Костей, 1905 г.

мкнутость, большая обидчивость, самолюбие и стремление вступить в бой при какой-нибудь обиде, за что в классе его звали «петух»; услышав это, он немедленно готов был подраться, тем более, что и смелость и решительность были в его характере. В дальнейшем, к последнему классу, эти черты смягчились и к студенческому периоду заменились выдержкой, большой настойчивостью в достижении какой-нибудь цели, умением деловых общений и с преподавательским составом, и с товарищами, и умением сдерживать свою импульсивность. После смерти матери в связи с трудной полуголодной обстановкой тех лет сформировалась любопытная черта его характера — стоицизм в отношении лишений (холода, голода, неудобств), пригодившаяся ему впоследствии неоднократно в экспедициях. Он с раздражением и презрением относился к мещанству и обывательщине, если кто-нибудь на его глазах расцветал от случившейся сытной и вкусной пищи».

В школе и институте Маркову учение давалось легко, без слишком большого напряжения, и поэтому он успевал много читать, обладал колоссальной работоспособностью, просиживал в библиотеках, поглощая десятки книг и статей. К.К. принадлежит шуточный афоризм: «За ночь можно прочитать столько книг, сколько можно их поднять».

После окончания школы в 1921 г. шестнадцатилетний Константин поступил в Географический институт в Петрограде, где преподавали А.Е.Ферсман, В.Н.Сукачев, Я.С.Эдельштейн, Л.С.Берг и М.М.Тетяев, оказавшие на него большое влияние [1]. По воспоминаниям самого К.К., поводом для выбора профессии географа было «единственное чувство, руководившее мной, — любовь к природе, возникшее благодаря длительному пребыванию на ее лоне, — в детстве — в Финляндии,

в отрочестве — в Анапе, <...> где семья переживала голод и военное лихолетье того времени». (В 1917—1918 гг. туда выехала школа Кузьминой вместе с учениками и их родителями, там же К.К. ее окончил.)

Еще будучи студентом, К.К. приступил к географическим исследованиям. Его ранние публикации были посвящены истории происхождения рельефа окрестностей Ленинграда. Позднее, уже во время работы в Ленинградском университете, главные итоги этих исследований были изложены в монографии «Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области», защищенной в 1934 г. в качестве докторской диссертации, когда ее автору не исполнилось и тридцати.

Вот что пишет Жузе об этом событии в своем дневнике: «Проходила она [защита. — А.С.] в университете, в очень дружеской обстановке. Было очень много народа, особенно студентов. Пришли все Костины добрые друзья и не очень добрые. К. удивительно хорошо держался, скромно и с достоинством. Больше всего трогало это очевидное к нему расположение. После защиты хлопали дружно и поздравляли, на многих лицах были широкие улыбки. Там, в университете, и затем дома его ждали цветы — чудесные цикламены в корзинках. Обычные цветы зимнего Ленинграда. Таким образом, К. минул защиту кандидатской диссертации и сразу получил докторскую за свою великолепную книгу по северо-западу Ленинградской области». В 1932—1933 г. Марков участвует в изысканиях Памирской экспедиции, написав позднее «Географический очерк Памира» (1935).

Однако еще до этих событий в его жизни произошла знаменательная встреча с Анастасией Пантелеймоновной Жузе, на которой он женился в 1932 г. Кто-то из знакомых написал в это время такие шуточные стихи о К.К.:

«Застенчив, робок, глух и нем
Жил-был геолог К.К.М.
Имел овальное (с яйцо)
С румянцем нежное лицо.
Боялся спирта, женщин, страсти,
Лишь исключение сделав Насте.
Ее застенчиво любил
И в Летний сад гулять водил».

В своем дневнике в записи от 12.09.1930 А.П. рассказывает: «Неожиданно со службы отправилась <...> в местечко недалеко от Дудергофа. <...> Ездили смотреть найденный Марковым торфяник в обнажениях на р. Дудергоф. Погода была на славу, хотя и холодная. <...> Кругом молодой лесок сосновый. <...> Шла с удовольствием, дышала с улыбкою свежий воздух и невольно всякие глупости лезли в голову. Ведь вот Марков, наверно, немногим старше меня, но уже почти законченный ученый...». И еще, от 28.09.1930: «Вчера на службу пришел Марков. Много разговаривали и смеялись. Приглашают <...> нас на загородную поездку, имеющую целью геологическое обследование обнажений реки Охты и просто прогулку. <...> У Маркова много работ уже, а сейчас он заканчивает очень большую работу по Ленинградской области. Не могу решить, сколько ему лет, но выглядит он ужасно молодым». Корженевская вспоминает молодую семью: «В одно светлое солнечное утро, забежав к ним на квартиру, увидела всю семью за утренним завтраком. Мне представили Анастасию Пантелеймоновну Жузе — жену Коти, молоденькую, живую, умную. Впечатление создалось очень гармоничное. Сразу было видно, что их взаимность имеет не только жизненное основание, но и общность интересов, и высокую культуру. И это впечатление вполне подтвердилось всей дальнейшей жизнью их семьи. Жузе, впоследствии крупный микропалеонтолог, всю жизнь прошла с мужем, разделила ее радости и горечи и пережила его только на один год».

Л.С.Берг и К.К.Марков на полевых исследованиях, 1923 г.

В Москве и в экспедициях

С 1935 г. Марков состоял сотрудником Института геоморфологии АН СССР, который, в связи с переездом Академии из Ленинграда в Москву, тоже перебирался в столицу вместе с сотрудниками. Там институт был преобразован в Институт географии, где Марков стал заведовать отделом геоморфологии, активно занимаясь составлением первой геоморфологической карты СССР.

В 1938 г. К.К. участвовал в экспедиции на о.Врангель. Ее организация была связана с курьезом — полярники с острова сообщили в Академию о находке на острове остатков хорошо сохранившегося мамонта, на деле оказавшегося тушей кита. По этому поводу Константин Константинович, как вспоминала его знакомая Г.Е.Ганейзер, заметил, если бы не «утка», взрастившая кита, долго бы пришлось острову ждать географо-геологического изучения.

Во время Великой Отечественной войны Марков создавал

географические характеристики фронтов с оценкой наземной проходимости, а в 1942 г. разработал лекционный курс «Военная география». Институт географии был эвакуирован в Алма-Ату. К.К. оказывал бескорыстную помощь коллегам. Известный географ Э.М.Мурзаев вспоминал: «Время было трудное, продовольственные лимиты распределялись по карточкам, причем <...> доктора наук обеспечивались гораздо лучше, чем младшие сотрудники или обслуживающий персонал. Константин Константинович делился пайком со многими своими помощниками, отдавая им часть полагающихся ему продуктов». Война страшным катком прошла по семье Маркова. Сестра Надежда и брат Георгий умерли во время блокады Ленинграда, а двое его и Анастасии Пантелеймоновны маленьких детей — от эпидемии в эвакуации.

В феврале 1945 г. К.К. перешел на работу в Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова. Долгие годы он был профессором, заве-

На Памире, 1946 г.

А.П.Жузе и К.К.Марков, 1949 г.

дующим кафедрой общей физической географии и палеогеографии и деканом факультета (в 1945—1955 гг.). Ученица Маркова Е.М.Щербакова вспоминала: «После долгих настойчивых уговоров Константин Константинович дал, наконец, согласие и принял на себя всю ответственность нового большого дела. <...> Новый декан во всем соответствовал возросшим требованиям. В нем сочетались неограниченные качества молодости — огромного запаса энергии и неограниченного желания дерзать — с большим преимуществом зрелой мудрости — пониманием прогрессивных путей развития избранного дела».

Почти 40 лет К.К. отдал МГУ. Здесь им выполнены наиболее крупные научные исследования. За это время учебная и научная деятельность факультета, его структура, оснащенность оборудованием претерпела большие изменения. По его инициативе были созданы новые кафедры: биогеографии, географии почв, гидрологии, метеорологии и климатологии, океаноло-

гии, общей физической географии и палеогеографии, а также ряд лабораторий. Была произведена перестройка научных планов, организованы крупные экспедиции, географические станции и базы, на факультет был приглашен ряд крупных ученых (А.Н.Сукачев, С.П.Хромов, М.А.Глазовская и др.).

В 1955 г. после переезда факультета в новое здание на Ленинских горах К.К. оставил должность декана и участвовал в трех антарктических экспедициях. О первой из них, ныне тоже юбилейной, начавшейся 50 лет назад, он так писал в журнале «Природа»: «Путешествие в Антарктиду для географа захватывающе увлекательно... Гораздо ярче воспринимались те явления, о которых до сих пор приходилось ограничиваться чисто книжными представлениями. Возникли новые мысли об Антарктиде, где удалось провести... полевые исследования, появилась возможность сделать некоторые научные выводы...» [2]. Эти работы, а также плавание по Индийскому океану сыграли огромную роль в его науч-

ной деятельности и способствовали уточнению концепции материкового оледенения земного шара.

Теория и практика

Диапазон научных интересов Маркова был чрезвычайно широким [3]. Одно из главных направлений его научной деятельности — палеогеография. Исторической географии (палеогеографии новейшего периода) посвящены многие фундаментальные труды К.К., в том числе трехтомный «Четвертичный период» и книга «Палеогеография», за которые он был награжден Золотой медалью П.П.Семенова-Тян-Шанского и Ломоносовской премией.

К.К.Марков считал, что географический анализ требует от географов не только пространственной широты, но и исторической глубины: это не только наука о пространственном размещении природных явлений и объектов, но и наука об истории современной географической оболочки.

К.К.Марков (в центре) среди профессоров географического факультета. Начало 50-х годов.

На материалах регионального и компонентного палеогеографического анализа он показал, что для природного процесса характерны всеобщность, направленность, ритмичность, индивидуальность. Основным же событием четвертичного времени было образование новых географических форм и появление человека.

Исключительно важное значение имеет разработанная Марковым концепция метакронности — временного несопадения природных событий в зависимости от местоположения изучаемой территории. Концепция была убедительно раскрыта на примере сравнения ледниковых процессов на Русской равнине и в Восточной Сибири и хода морских трансгрессий древнебалтийских водоемов.

Именно К.К. предложил использовать палеогеографическую информацию в качестве естественно-исторической основы

долгосрочного прогноза, обратив внимание на поиски палеогеографических аналогий. В частности, современное потепление, по его мнению, можно сопоставить с потеплением климата в середине голоцена.

Он инициировал создание Лаборатории новейших отложений при кафедре общей физической географии и палеогеографии, в которой с помощью синтеза многочисленных аналитических методов проводится изучение генезиса четвертичных отложений разных регионов России, выявляется их возраст.

Исследуя закономерности развития географии как науки, Марков подметил ее парадоксальное положение, состоящее в интегральности (синтетичности), противоречащей появившейся в 60-е годы дифференциально-аналитической тенденции. По его мнению, наряду с углубленным изучением отдельных компонент географической

среды, необходимо обобщающее их исследование, специальное осмысливание географической оболочки в целом. Из этого следует концепция единства и двух основных ветвей географии — физической и экономической. В этом единстве, считал К.К., и заключается «душа» географии.

Марков стал основоположником новой отрасли — географии Мирового океана и последние годы жизни почти полностью отдал разработке основных положений этого направления. Обращение к этой теме было вызвано его пониманием планетарного единства географической оболочки, которое оказалось в конце 60-х годов почти утраченным. Ему удалось соединить концепцию единства природы суши с понятием о единстве океана.

Марков выделил перспективные точки «состыковки» географии суши и географии океана: физико-географическое районирование, анализ вертикальной дифференциации суши и океана, изучение симметрии и асимметрии географической оболочки. Разработка последней проблемы привела к необходимости изучения Антарктиды и ее окружения (Южного океана).

Феномен шестого континента имеет общеземное значение как яркий показатель полярной асимметрии Земли, а географические особенности Антарктиды оказывают большое влияние на природную среду всей нашей планеты. Эта мысль К.К. проходит через все его многочисленные работы по Антарктике. По инициативе и при личном участии Маркова созданы монументальные обобщающие произведения: «География Антарктиды» (1968) и «Атлас Антарктиды» (1970), за который он был удостоен Государственной премии СССР; им написано также «Путешествие в Антарктиду» (1971).

В последние годы жизни в научное творчество Маркова

П.А.Шумский, Г.А.Авсюк и К.К.Марков на пути в Антарктиду на научно-исследовательском судне «Обь», 1955 г.

вошли долгосрочный географический прогноз, распределение биомассы суши и моря, асимметрия географической оболочки и другие кардинальные проблемы географии. Он был одним из инициаторов, главным редактором и автором многотомной «Географии Мирового океана» — первого комплексного географического исследования Мирового океана. В этом грандиозном труде Марков не только воплотил свои идеи о планетарном единстве географической оболочки, но и дал представление о Мировом океане как целостной системе.

Трудно переоценить вклад Маркова в геоморфологию. Среди его публикаций — блестящий анализ горного и ледникового рельефа Памира, рассмотрение проблем соотношения колебаний уровня моря и новейших тектонических движений суши, генезиса береговых террас. В работе «Основные проблемы геоморфологии» (1948) им развита новая геоморфологическая теория — концепция геоморфологических уровней — и впервые обобщены методы изучения взаимодействия эндогенных и экзогенных рельефообразующих сил.

Следует отметить и колоссальную роль К.К. как наставника и воспитателя целой плеяды географов. Помимо большого числа студентов, им подготовлено 120 кандидатов и докторов наук. Те, кто прошел «марковскую школу», в своих научных разработках применяют особый подход к анализу природных объектов и процессов, развивая представления, выдвинутые своим учителем.

Коллеги считали, что в творческой деятельности Маркова удачно сочетался талант, дерзание и широкий кругозор исследователя-аналитика, инициативность организатора науки, мастерство педагога и воспитателя научных кадров, искусство пропагандиста и популяризатора географических знаний.

А.В.Живаго и К.К.Марков, о.Пасхи, на пути из Антарктиды, 1958 г.

К.К.Марков, Н.Г.Заикина, Р.Н.Горлова, Н.Г.Судакова на опорном разрезе Левина Гора (Ростовский район), 1969 г.

К.К.Марков, 1957 г.

Разносторонняя натура

Современники отмечают и другие любопытные детали характера Маркова.

В воспоминаниях Е.М.Щербаковой есть такие слова: «Во время полевых работ он был смел и решителен. Уже в первой поездке на Памир, еще не имея опыта, решался в одиночку пускаться в маршруты, что не всегда одобрялось начальством. На трудных переправах через горные реки или на переходах через обычные висячие мосты К.К. обычно первый их преодолевал».

И далее: «У обнажений и на ключевых участках он был сгустком сосредоточенности и внимания, а на отдыхе и на переездах — душой общества. <...> Марков действительно был разносторонне одаренной натурой, хотя главным в нем всегда оставалось стремление к углубленному мышлению, творческий порыв и сосредоточенность силы и воли на главном, он также обладал необъяснимой способностью распространять знания вокруг себя, делая их общим достоянием. Он заставлял окружающих верить в правоту своих начинаний...»

А вот мнение ученицы о его ораторских способностях: «Могу утверждать, что его лекции были лучшими из всех, которые довелось слушать за время учебы и работы в университете. Они могут служить образцом университетского типа лекций. Их отмечала четкость, ясность, простота изложения (без всяких признаков упрощенчества) и одновременно глубина знаний и высокая культура речи...»

О Маркове-рассказчике вспоминала и Ганейзер: «Как увлекательно умел рассказывать Константин Константинович. Как интересны, обзоры его рассказы о бесчисленных экспедициях и путешествиях. Научные наблюдения, гипотезы и выводы изящно сочетались в его рассказах с поэтичными описаниями природы. Строго проверенные выводы — с легким и добрым юмором...»

А вот мнение Щербаковой о характере К.К.: «В жизни нередко приходится наблюдать, что талантливые люди весьма требовательны к себе и к другим, имеют сложный и нелегкий характер. Не миновал этой черты и Константин Константинович, хотя она была у него смягчена и завуалирована отличным воспитанием. Предъявляя всегда к себе и к другим большие требования, он становился суров по отношению к тем, кто не выполнял положенного. Но особенную неприимчивость, даже врага, встречали в нем те, кто по существу расходился с ним в научных взглядах и устремлениях. Тогда подчас он был просто неумолим». И другой оттенок: «Мы знали его чаще сосредоточенным и напряженным, однако в часы отдыха — также приветливым хозяином, остроумным собеседником, готовым на шутку и негромкий смех...»

Вот как в целом оценили личность Маркова его коллеги Л.Р.Серебряный и С.С.Сальников: «Константин Константинович был человеком глубокой внутренней культуры, кипучей

энергии, острого пронизательного ума. Он всегда шел в авангарде научного поиска. В частной жизни ему была присуща необычайная скромность. Он неизменно с искренней благожелательностью и душевной щедростью относился к своим многочисленным коллегам по профессии. Из главных черт этого замечательного человека следует назвать высочайшую образованность и эрудицию, особую личную скромность, простоту и благородство, в сочетании с бескомпромиссной принципиальностью и удивительным отношением к людям. В комплексе эти качества сделали то, что мы называем интеллектуальной культурой, которая проявляется в стиле работы ученого, в его устной речи и в его манерах» [4].

Особое место в его жизни занимала популяризация науки, в частности в журнале «Природа». Его первая статья появилась здесь в 1931 г., а в 1962 г. он стал членом редколлегии журнала, неформально руководя географией на его страницах. Большие материалы, мелкие заметки, рецензии на книги — таков спектр его публикаций. Кроме того, К.К. стремился привлечь к работе в журнале талантливых ученых и сделал многое, чтобы до читателя доходили новости, происходившие в нашей науке.

Что же касается большой литературы, то о страстном увлечении Маркова поэзией вспоминает Ганейзер: «Сколько стихотворений помнит Константин Константинович и читает их наизусть... Ахматова, Ходасевич, Пастернак, Блок, а также и свои. Ведь он много писал стихов. <...> Начиная со школьных лет, он всю жизнь интересовался поэзией; в частности, к его любимым авторам принадлежала Ахматова». Одним из его любимых стихотворений были знаменитые строки «Мне голос был. Он звал утешно...». Он называл ее «Пушкиным наших дней».

К.К. пишет об Ахматовой в неопубликованных воспоминаниях: «С Анной Андреевной я познакомился неожиданно, зная, конечно, ее стихи и преклоняясь перед ней, как перед великой русской поэтессой... К моему изумлению, Анна Андреевна отнеслась ко мне хорошо. Хотя чем же мог быть интересен для нее человек, хотя

и влюбленный в поэзию, но профессионально далекий от искусства. Знакомство состоялось в первые послевоенные годы, и Ахматова не раз принимала меня в квартире писателя В.Ардова, в предоставленной ей маленькой, но уютной комнате. Она однажды даже почтила посещение мою квартиру».

В своих воспоминаниях Константин Константинович отмечал, что принадлежит «к поколению, которое плохо знает своих предков, привыкло искать в них недостатки больше, чем достоинства». Однако приводимый в этом номере его собственный очерк о прапрадеде бесспорно свидетельствует о «любви к отеческим гробам».

Литература

1. Марков К.К. В Антарктиду // Природа. 1956. №8. С.59—69.
2. Марков К.К. Воспоминания и размышления географа. М., 1973.
3. Гвоздецкий Н.А. Константин Константинович Марков (1905—1980) // Творцы отечественной науки. Географы. М., 1996.
4. Серебряный Л.Р. Константин Константинович Марков, жизненный путь и научное творчество // К.К.Марков. Избранные труды, Проблемы общей физической географии и геоморфологии. М., 1986. С.6—11.

Иван Алексеевич Второв

К.К.Марков

Много ли нам известно о мыслях и чувствах русской провинциальной интеллигенции конца 18-го и начала 19-го столетий? Пожалуй, почти ничего. Но современники Пугачева, Новикова, Радищева, декабристов, Карамзина и Пушкина оставили свой след в биографической литературе. Конечно, героя моего повествования невозможно сравнивать ни с одним из поименованных деятелей. Он представлял собой не исключительное, но типичное явление для передовой интеллигенции своей эпохи. О нем — провинциальном интеллигенте (и моем прапрадеде по материнской линии) — Иване Алексеевиче Второве я хочу рассказать.

Публикация с сокращениями, А.К.Марковой.

Три поколения моих предков по линии матери (И.А.Второв, Н.И.Второв, О.В.Синакевич) вели записи, охватившие почти без перерыва период в 200 лет. Семейная летопись запечатлела события от 70-х годов 18-го столетия — до 60-х годов нашего столетия.

Первым звеном ее является дневник прапрадеда. Дневник — интимный, не рассчитанный на опубликование, не содержащий элементов парадности, он являет, однако, записи о выдающихся событиях и людях его эпохи. Дневник И.А.Второва публиковался в журнале «Русский вестник» в 1875 г. (Пуле М.Ф.де. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники. Т.116—119. М., 1875). «Широкая публика» забыла, конеч-

но, упомянутую публикацию. Однако И.А.Второва помнят в Казани, городе, которому перешла по наследству его библиотека. Сына — Николая Ивановича Второва — помнят также в Воронеже, где он нашел архивы царя Алексея Михайловича, дружил с Крамским и Никитиным. Сын был членом Географического общества, которым награжден золотой медалью. Упомянутая летопись является государственной собственностью, образуя «фонд Второвых», «фонд Синакевич» Публичной библиотеки им.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Я приведу, конечно, только отдельные эпизоды. И буду придерживаться текста автора дневника, текста его биографа (М.Ф.де Пуле), минимально же — своего текста.

Иван Алексеевич Второв (1772—1844). Рисунок И.Н.Крамского с дагерротипа. Итальянский карандаш.

«Предлагаемая хроника составила случайно, — писал биограф. — Большинству читателей герои ее, Второвы, едва ли известны; но многим книжным, литературным людям, мы полагаем, еще памятно имя Второва-сына... Второв-отец был в свое время... тоже известность, замечательность, хотя и провинциальная. Он был знаком почти со всеми писателями своего времени; он собрал замечательную библиотеку, из которой образовалась потом Казанская городская библиотека; он знал почти все Поволжье, где жил и действовал не бесплодно. Если не масон, то ученик масонов, он был для своего времени весьма типичной личностью, по развитию и образованию стоял в числе передовых людей, хотя занимал самое скромное положение, не на вершинах общественности, а на одном из флангов общественного строя. <...>

Второвы ведут свой род из Оренбурга, где дед Второва-отца [и мой прапрадед. — К.М.] служил в царствовании императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны при оренбургском губернаторе Неплюеве правителем его канцелярии и в 1756 г. был произведен в чин коллежского секретаря.

Его внук и герой моей повести — Иван Второв родился в 1772 г. «и по смерти отца остался шести лет отроду, но был обучен грамоте... О бедности матери Второва можно судить по тому, что она вынуждена была определить сына в татарскую школу учителем русской грамоты, с жалованием за этот труд по тридцати рублей в год, как говорит сам сын, но подробностей об этом учительстве мы не знаем». Вскоре он был определен в «новооткрытый тогда в Самаре уездный суд, с десятилетнего возраста... совершенным ничтожеством канцелярского служителя-малолетка».

Вот что вспоминает Второв о своем отрочестве: «Склонность моя к наукам... с десятилетнего возраста была непреодолима. Я читал с жадностью всякие книги, какие ни попадались». А Второв-сын продолжает об отце: «В бедности, в кругу невежд и развратных людей, бывших товарищами его по службе, порок не коснулся его чистого, прекрасного сердца». «Едва достигнув четырнадцати лет, — сообщает биограф, — Второв начал вести уже журнал, записывая ежедневно все, что с ним случилось... Журнал... продолжался до самой смерти автора. Иван Алексеевич познакомился с грамматикой, поэзией, историей, географией, физикой, геометрией и с французским языком... Пора, к которой принадлежит его развитие, было цветущим временем типографской и литературной деятельности Н.И.Новикова. Книги выходили не только по губернским городам, в особых лавках, но и по уездным, на руках купцов, комиссионеров Типографской Компании, бакалейных торговцев и краснорядцев. К той поре относится начало литературной деятельности Карамзина на его родине, где жил и юноша Второв. Итак, масонская литература и отчасти родственное ей сентиментальное направление питали Второва и его друзей...»

И почти на первой странице своего журнала вот что он пишет: «Я желаю, чтобы добродетель, сия любезная спутница к благополу-

чию, не оставляла меня; пороки бы не овладели мною, и я в уединении забавлялся науками. Вся моя веселость в книгах, и больше ничего мне не надобно». Или в другом месте: «Здесь-то я несколько облегчил мои прискорбия. Андрей Иванович [учитель А.И.Тихонравов. — К.М.] показывал мне камни и руды, из коих по кусочку некоторых дал мне: допустил меня к своей библиотеке и дал мне волю рыться в ней. Тут-то я увеселил себя! Забыл свои горечи и пробыл в рассматривании разных книг до самого вечера, взяв две книги, “Премудрость и Добродетель”, да “Галловы Размышления”».

Второв вырос, стал свидетелем многих событий, прожил долгую жизнь. Я познакомлю вас только с четырьмя эпизодами, любопытными или замечательными.

Путешествие по Волге

В конце восемнадцатого века путешествие по Волге было еще не безопасным. Опасались «разбойников». И.А.Второв отправился в Макарьево, на ярмарку, в 1793 г. «В каждой кибитке было не менее как по ружью, частью на всякий случай, в острастку разбойникам, которые еще водились, — пишет биограф, — только 17 лет назад Пугачев был казнен. Внимание Второва остановилось на деревне помещика Алеева за Ардатовым, где крестьяне почти поголовно стояли на дорогах и улицах и просили милостыни у проезжающих: “Варвар помещик!” — восклицает в негодовании Второв. Добравшись до места своей поездки <...> Второв тотчас же встретился с одним из своих знакомых, Борисовым, который рассказал ему о своей встрече с разбойниками: как он одного поранил саблей и как другие заставили его самого бежать в лес и там от них укрыться. Второв тотчас же побежал на ярмарку и, прежде всего, бросился в книжные лавки, которых тогда на ярмарке было четыре. Он купил “Покоряющегося трудолюбца” и какой-

то “Театр”... На другой день... приобретены еще “Собеседник” и “Московский журнал”... К числу ярмарочных удовольствий в ту пору принадлежал театр и шуты, потешавшие раскутившееся купечество. Второв посещал театр, гулял по ярмарке и за городом, в остальное время весь погружен в чтение, забыв обо всем в мире, он в упоении от чтения “Бедной Лизы” Карамзина и первых писем “Русского Путешественника”. Но вот ранним и прекрасным утром поплыл наш симбирский путешественник вниз по Волге в Казань... Мимо Козьмодемьянска, Чебоксар и Свияжска путешественники проехали без всяких приключений; под Чебоксарами осматривали их лодку заставные солдаты и сорвали с хозяев несколько грошей. В Казань приехали пополудни 26-го июля. Город, т.е. строения и все, что было на улицах, привели в восторг Второва... Покупка книг в Казани продолжалась, вероятно, на последние деньги, потому что на обратном пути в Симбирск юный путешественник питался только хлебом, огурцами и толокном... Наш путешественник был, кажется, в самом сильном пароксизме сентиментальности. Читая в “Московском Журнале” “Плач Супруги” [Стихотворение Н.И.Дмитриева. — К.М.], он плакал сам, плакал, по его словам, перебирая в мыслях всю свою жизнь “даже до смерти”. Очарованный журналом Карамзина, он дает себе обещание отныне “читать его весь со вниманием и на особую бумагу выписывать важные и трогательные места”.

Вместе с ним находилась на судне молоденькая четырнадцатилетняя девушка, очень красивая, умная и знавшая грамоте. Армяне купили ее на ярмарке у помещика Кашкарева, знакомого и Второву. “Не человек, а скот без чувства!” — с негодованием восклицает последний».

Таково сентиментальное путешествие 20-летнего И.А.Второва.

Вскоре начались гонения на Типографскую компанию Новикова (основанную в 1784 г.). Волна гонения достигла в 1794 г. Поволжья. Вот что записано в дневнике

Второва по этому поводу: «Сегодня читал я указ сенаторский, по секрету, о книге под названием: Трагедия Вадима Новгородского, сочинение Княжнина, которым велено у всех осмотреть оной книги и ежели кто не объявит ныне, а после окажется у того, то с тем поступлено будет по закону строго. Прописано, что в оной книге помещены какие-то дерзкие слова, могущие возмутить спокойствие гражданское, относительно правителей и царей. Чудно!»

Путешествие в Москву на грани двух столетий

Вот запись Второва 1800 г.: «Новое столетие! И так, дни жизни моей назначены в двух веках человеческого летоисчисления. Сколько времени протекло, как я кручусь в хаосе заблуждения, оставив все, чем пламенно занимался в молодости!»

Через несколько месяцев он отправляется из Самары в Москву и Петербург. «В воскресенье поутру 28-го января [1801 г. — К.М.] въехал я в огромную Москву... Вот, думал я, город, о котором мечтал так много и который ограничивал все мои желания!» Все занимает

Второва: и публичные увеселения, и книги, и литературные знакомства. В Москве застаёт его известие об убийстве Павла I. Он присутствует при воцарении Александра I. В Москве знакомится с кумиром своим — Карамзиным. Вот как вспоминает Второв оба события:

«В первый день приезда моего весь вечер провел я в доме И.П.Тургенева [тоже волжанина. — К.М.] в самом приятном обществе... У него видел я друга бедных Ивана Владимировича Лопухина и лучшего баснописца нашего И.И.Дмитриева, а в комнатах детей его — многих молодых писателей, известных по сочинениям в издаваемых тогда журналах, из коих помню только г.г. Жуковского Василия Андреевича, кн. Козловского и пожилого уже Невзорова Максима Ивановича» (Жуковский был на 11 лет моложе Второва, в возрасте всего 17 лет).

Второв-провинциал посещает театр университетского благородного собрания (до четырех тысяч персон... русский язык слышен весьма редко), Петровский театр, академии (клубы) музыкальную и танцевальную (при жизни царствовавшего тогда императора Павла запрещены были и названия клубов). В Петровском театре «на-

Москва, 1799 г. Вид Моховой и дома Пашкова. Гравюра на меди Ф.Лорье с оригинала Ж.Деламбарта.

конец увидел я любезного автора, Н.М.Карамзина». Второв посетил его 23 февраля 1801 г. «В зале, на окошке и на полу, лежали большие книги. Он встретил меня ласково, и когда я сказал свое имя, то он отвечал мне, что уже знает меня по словам Андрея Ивановича Тургенева и читал мои сочинения, напечатанные в двух журналах... Он спрашивал меня, где я учился. Как старшина музыкальной Академии предлагал записаться членом оной. На столе лежали напечатанные листы Московского журнала...». Второв встречал Карамзина и в дальнейшем.

«Марта 14-го, — пишет Второв, — в четверток, после обеда, дошел первый слух о смерти императора Павла I. Во всем городе сделалось необыкновенное движение. Сначала шептали и боялись говорить открыто, потом увидели, как все полки, стоящие в Москве, повели в Кремль присягать новому императору Александру I... Куда не придешь, везде только и разговоров было о смерти государя. Сначала шептали, а потом уже говорили вслух о всех подробностях смерти его... Москву можно было уподобить республике по образу жизни, мнениям и свободе. Чрезвычайно любопытным и странным показалось, что многие из молодых щеголей были уже... в круглых шляпах, о чем прежде боялись и думать. Полиция смотрела равнодушно на сей запрещенный наряд».

Началась пышная церемония коронации Александра I. И.А.Второв не мог, конечно, наглядеться на эти празднования. Как Николай Ростов, он сначала восхищается молодым императором: «Надобно сказать о нашем любезном монархе, что милости и кротость его беспримерны. Так много надеются на снисхождение царя, который без сомнения, мыслит по сердцу обожаемой всеми бабки его Великой Екатерины, говорящей в стихах г. Державина

«Не запрещаю я стихотворцам
Писать и чепуху, и лезть...»

И, конечно, «один только государь был с открытой головой

и кланялся зрителям на обе стороны», и т.д., и т.п.

Но Иван Второв все же проникательнее Николая Ростова. Об оде Державина он сообщает и такие сведения: «Ода г. Державина на вступление государя на престол не была напечатана, но с нее у многих были списки и читались с жадностью. Рассказывали тогда, что государь, приняв сию оду, сделал автору подарок, стоящий шесть тысяч рублей, и не приказал печатать оной. Потом, будто, в Сенате, г. Трошинский [тайный советник. — К.М.], отозвав г. Державина, говорил ему, что верно, государь приказал ему сказать, чтоб он не только не печатал оную оду, но и не давал с нее списков. Г. Державин, будто с огорчением, возрадил ему, что, верно, государь приказал ему о том, не в Сенате. “Да, — отвечал г. Трошинский, — ежели бы существовала «Тайная» [пыточная тайная канцелярия. — К.М.], тогда бы сказали тамо; а мне ни времени, ни места не назначено». Так разговаривали со знаменитым поэтом эпохи.

Отечественная война 1812 года. <...> Пленные французы

Второв продолжал жить и трудиться в уездной Самаре. В июне 1812 г. началось вторжение армии Наполеона в Россию. Но только 9-го сентября весть о войне пришла в Поволжье. Она застала Второва временно исполняющим должность городничего уездной Самары. Не похож был Второв-городничий на гоголевского городничего, не походили на гоголевских держиморд и второвские помощники. «Мне прибавилось заботы и трудов невыносимых... Квартального надзирателя не было, а десятских человек восемь из стариков или мальчиков... В городе не было ни одной будки. В городническом правлении находилось только двое писцов: один пьяница, другой потрезвее... Обо всем доносил губернатору и губернскому правлению, прося притом прислать кого-нибудь в помощники. И как ни-

кого не присылали, то просился в учреждающееся тогда ополчение, и на это также промолчали».

В этой обстановке пришлось Второву справляться по своему разумению с <...> прибытием пленных французов. <...>

«Грозный, но “славный памятью” Двенадцатый год задел крылом своим и отдаленную Самару, — продолжает биограф И.А.Второва, — не было почти дома, где бы какой-нибудь член семьи, отец, брат, сын или другой близкий родственник, не служил в армии или в ополчении. Газет не выходило; все сношения с Москвой были прерваны; распространялись одни противоречивые слухи: говорили то о победах, то о поражениях. Известие о занятии Москвы французами было получено в октябре, то есть одновременно со слухами, распространившимися в степи о появлении “Пугача” и о башкирском движении...» «Примите, — приписывает Второв к письму от 4-го октября, — только мой поклон; а писать много некогда... Почта ужасная! Пишу сам, а писаря мои все пьяны... Французы вошли без выстрела в Москву с барабанным боем, но потом опять вышли, награвив несколько вещей и серебра, конечно, церковного на 450 повозках; но под Черной Грязью разбиты и обоз сей отбит... Из Москвы раненые все перевезены во Владимир. В здешнюю губернию ведут пленных французов».

И вот военнопленные французы появились в Самаре, и Второву суждено было принять деятельное участие в их судьбе. Предоставляем слово ему:

«Я должен был беспрестанно встречать и провожать толпы пленных французской армии, разных наций: французов, немцев, поляков, итальянцев, гишпанцев... Раненых и больных везли на подводах, а которые в силах были идти пешком, тех гнали, как свиней, палками... Вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и амбарах. Равнодушно нельзя было смотреть на несчастные жертвы властолюбия Наполеона. Необходимо было действовать».

Первая партия пленных прибыла в Самару в конце сентября 1812 г., уже в глубокую осень. Эту партию в числе 1700 человек вел Владимирского ополчения полковник Языков. «Положение пленных было самое ужасное. Кто в силах был, шли пешком; дрожали от холода, в одних мундирах своих, без всякого зимнего платья, худые, изнуренные; многие падали дорогой, и тех клали на телеги... Их стон и жалобы на бесчеловечные с ними поступки раздирали сердце. Зрелище ужасное и оскорбительное!», — восклицает городничий Второв.

«Прямо с перевоза я бросился в квартиру полковника Языкова, изъясняя при этом свое негодование на обращение ратников с пленными, которые упавших от бессилия бьют палками, а медленно идущих также погоняют палками, как скот. Языков... с суровостью возразил мне: “Как Вам не стыдно, сударь, жалеть злодеев, которые наделали столько бед нашему отечеству” — “Они были злодеями, когда имели ружье и дрались, а теперь обезоружены, изранены и убиты несчастьем”. Но моя философия не произвела на него никакого действия. Мы взошли во двор, где снимали больных с телеги. Их было пять человек, францу-

зы. Верхних трех сняли, а лежащие внизу двое были уже мертвы. Начали говорить с живыми по-французски, но они не могли отвечать и только стонали... Один уже не мог есть, а другие двое, вместо лепешек, грызли свои руки до крови».

Вмешательство Второва спасло жизнь сотням французов (и русских тоже). Партия пленных была остановлена. Из Оренбурга прислали медиков. Но из 1700 человек пленных, вышедших из Владимира, Языков привел в Оренбургскую губернию не более 300; из ратников (русских) тоже только половину. «Слышно было, — писал Второв, — что полковник Языков отдан был под военный суд за свое варварство».

Хлопоты самарского городничего на этом не остановились. Надо было помочь пленным пережить зиму: одеть, прокормить, не дать умереть от голода, холода и болезней. Надо было добиться положенного пленным солдатам: «шапку из простого сермяжного сукна, овчинный полушубок, сермяжный кафтан, такие же штаны и онучи, рубашки, рукавицы с варьгами и лапти». В городе был лишь один лекарь («да и тот никого не лечил», — замечает Второв). Надо было думать об охране чело-

веческого достоинства французов, которые ежедневно «озлобляются жителями названием собак, свиней и выдуманным через какого-то целовальника словом “Париж — пардон”». Все, что возможно, было сделано. Летом 1814 г., когда пленных возвращали на родину, «Второв не побоялся устроить для них проводы, до некоторой степени торжественные». Наконец, «посадили их (пленных) в несколько лодок, и лишь отстали они от берега, как на всех лодках полетели шапки вверх и раздались (приветственные) крики, несколько раз повторяемые».

Второв в пушкинском Петербурге

Трижды И.А.Второв посещает Петербург. Страницы дневника, посвященные столице, полны, как всегда, раздумий и впечатлений, более всего о литераторах, о декабристах.

В 1822 г. (второе посещение) он еще по-прежнему впечатлителен (хотя Второву перевалило за пятьдесят). Описание Невского проспекта заставляет вспомнить о гоголевском: «Около трех верст шел я пешком, но путь самый приятнейший. Длинные цепи огней

Петербург. 1830-е годы. Вид Мойки, снятый со стороны Красного моста. Литография К.П.Багрова по рисунку В.С.Садовникова.

Группа писателей в Летнем саду: И.А.Крылов, А.С.Пушкин, В.А.Жуковский, Н.И.Гнедич. Этюд Г.Г.Чернецова. 1832 г.

по улицам, освещают дорогу, особенно на Невском проспекте — миллионы огней неподвижных и летающих с каретами и колясками. В тех местах, где освещено газом, свет самый разительный, на который трудно глядеть... Какая картина для пешеходов, идущих покойно и безопасно по гладким тротуарам. Три версты покажутся за 30 шагов; вот каково и ночью ходить здесь! А днем, при солнечном свете, все тротуары наполнены толпами франтов и красавиц...»
 Настоячивее же всего звучит прежняя, однако, нота: «Но приятнее всего я провожу время в беседах здешних литераторов. Недавно я познакомился с Николаем Ивановичем Гречем, издателем “Сына Отечества”. Он прекрасный и прелюбезный изо всех, коих я здесь знаю: вежлив, ласков и мил в обращении. У него бывают по четвергам все авторы». В числе других встречает Второв декабристов: Рылеева, Бестужевых, Сомова, а также И.А.Крылова, Гнедича. «Познакомился он с Дельвигом, которого называет “умным и прекрасным молодым человеком” [Второву было 50, Дельвигу — 24 года. — К.М.]. Говорили о вещах, о которых распространяться наш герой находил неудобным даже в своем журнале. Говорили о прошлом, о последних днях царствования императора Павла, об истории Сперанского, о семеновской истории [восстании Семеновского полка. — К.М.]... временах реакции и аракчеевщины, об общественной распущенности... Парадам и учениям не было конца. Общественное настроение в эту пору, как в провинциях, так и в столицах было весьма не блестяще: все были недовольны; возникли и распространялись тайные общества с политической целью».

Второв возвращается в Самару. Проходит немного времени, и он записывает в своем журнале: «Какие ужасные слухи о Петербурге. Там было возмущение за присягу другому: лилась кровь человеческая». И несколько позднее: «Известие, напечатанное в “Инвалиде”,

о заговорщиках поразило меня: тут есть мои знакомые: два брата Бестужевы, Рылеев, Сомов, особенно Николай Иванович Панов...» И еще позднее, в августе 1826 г. записано: «...Вот уже 5 человек из них повешено, в том числе и знакомый мне Рылеев, прочие сосланы в каторгу, иные в солдаты. Здесь, через Самару, провезли в конце июля следующих лиц, в солдаты: Петра Бестужева, Ведяникина и Кожевникова, а до 9 августа: Мусина-Пушкина, Вишневого и Лапу. Сих трех последних я видел». В Казани распространяли слух о самоубийстве И.А.Второва.

В 1827 г. Второв отправился в Петербург в третий раз. И в эту поездку главные интересы — литературные, любимые знакомые литераторы: Н.И.Греч, В.И.Панаев (поэт-«карамзинец»), А.А.Дельвиг и, наконец, А.С.Пушкин.

«В 1827 г. еще были свежи воспоминания о 14 декабря, еще не стерлись на некоторых домах Исакиевской площади следы картечи. Гуляя по этим местам, Греч знакомил своего спутника о подробностях кровавого события». И.А.Второв познакомился с А.С.Пушкиным 26 ноября 1827 г. Он записал: «Пошел во 2-ом часу к барону Дельвигу. У него застал Ф.В. Булгарина и Александра Сергеевича Пушкина. В беседе с ними я просидел до 3 часов. Последнего я желал давно видеть и увидел — маленькую белоглазую штучку, более мальчика и ветреного шалуна, чем мужа. Но его шутки, рассказы, критика — совершенно пиэтические; мне не понравилось только, что он считает “дрянью” Гнедичеву идиллию “Рыбаки”».

По-видимому, Второва поразила молодость Пушкина и его необычная живость. Вторично встретились они в 1831 г. в Симбирске, о чем сохранилась лишь краткая запись: «В Симбирске у губернатора я видел Пушкина, Александра Сергеевича. Он сказывал мне, что был в Казани у Фукса [профессора. — К.М.] и стоял вместе с Баратынским». Встреча эта

могла быть очень содержательной. И.А.Второв, пожалуй, как никто в те годы, знал Поволжье, которым Пушкин так интересовался, работая над «Историей Пугачевского бунта». К сожалению, более подробными сведениями о знакомстве И.А.Второва с солнцем русской поэзии я не располагаю.

Заключение

Второв старел, болел даже холерой. На склоне лет перебрался в Казань, сблизился с казанской профессурой. Познакомился с профессором Иваном Михайловичем Симоновым, одним из первооткрывателей Антарктиды, особенно же с профессором К.Ф.Фуксом, которого Пушкин посетил в Казани в 1833 г.

Второв и скончался в Казани в 1844 г. После него осталась обширная по тому времени библиотека. Она богата собранием французских классиков конца 18-го столетия и еще более русскими периодическими изданиями 18-го и начала 19-го. В ней 2 тыс. томов. Сын, Николай Иванович Второв, пожертвовал ее городу Казани. В Публичной библиотеке Казани она в настоящее время образует особый «Фонд И.А.Второва».

Второв не был великим человеком. Но ни одно из великих событий, которых он был современником, не прошло мимо него, не оставило его безучастным. Живя в провинции, он всей своей жизнью показал, что и в «саратовской глуши» нашей Родины, во времена далекие, глухие и бурные, было немало людей «славных, благородных, сильных, любящих душой».

Закончу повествование об Иване Алексеевиче Второве следующими словами его биографа:

«Чего еще нужно было потомку приказного человека Прокопия Второва, и мог ли мечтать о чем-либо подобном назад тому 50 лет мальчик-учитель в татарской школе, мальчик-канцелярист в уездном суде». ■

Школа А.П.Жузе

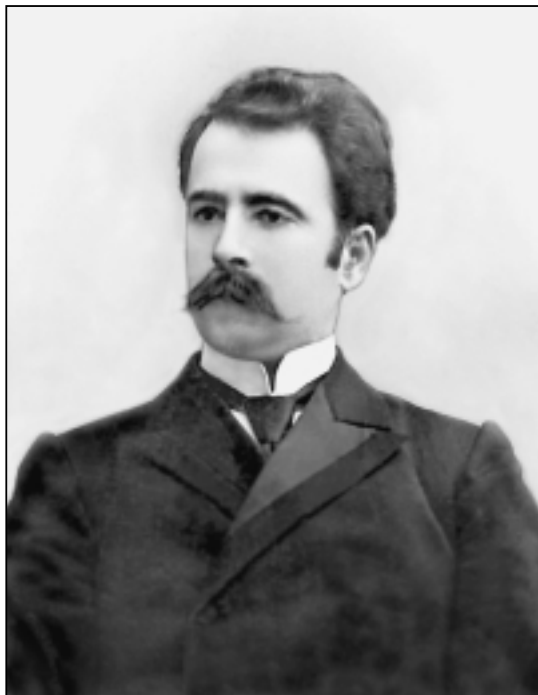
В.В.Мухина, Г.Х.Казарина,
кандидаты географических наук
Институт океанологии им.П.П.Ширшова РАН
А.К.Маркова,
доктор географических наук
Институт географии РАН

В домашнем архиве семьи Марковых—Жузе хранятся тетради, заполненные круглым понятным почерком. В этих дневниковых записях практически вся жизнь Анастасии Пантелеймоновны, разносторонне талантливого и очень целеустремленного человека, посвятившего жизнь не слишком известной науке — морской микропалеонтологии.

Она появилась на свет в г.Казани. Отец, Пантелеймон Крестович Жузе, родом из Иерусалима, из арабской христианской семьи, в детстве обучался в греческом монастыре. Затем был отправлен учиться в Грецию, а потом в Москву в духовную семинарию. Однако карьера священника его не увлекала. П.К.Жузе стал историком, арабистом, настоящим полиглотом — он знал 16 языков, создал первый русско-арабский словарь в двух томах, который был опубликован в 1903 г. Мать — Людмила Лаврентьевна, в девичестве Зуева, происходила из купеческой семьи, была замечательной женщиной, создавшей вместе с мужем прекрасную атмосферу в доме.

В дружной семье Жузе было семь детей. Все они впоследствии связали свою жизнь с наукой. Старший брат Владимир

© Мухина В.В., Казарина Г.Х.,
Маркова А.К., 2005

П.К.Жузе (1871–1942).

стал крупным физиком, учеником и соратником академика А.Ф.Иоффе, внес огромный вклад в развитие науки о полупроводниках, ему принадлежит одно из первых научных открытий, сделанных в нашей стране в этой отрасли физики; Тамара — известным химиком-нефтяником, Борис — заслуженным геологом, сестра Ольга — биологом-микологом, рано скончавшаяся сестра Александра выбрала психологию, погибший на фронте в 1941 г. брат Георгий — геологию.

Первые годы Анастасия училась в гимназии в Казани,

Л.Л.Жузе (1880–1931).
Фотография 1907 г., Казань.

но в связи с Гражданской войной и начавшимся голодом в 1920 г. П.К.Жузе решил перебраться в Баку, где открывался университет и куда направлялось несколько профессоров из Казани. В 1921 г. он организовал и возглавил восточный факультет Бакинского университета.

А.П. пишет в своем дневнике об этом переезде: «...Я хорошо помню наш переезд всей семьей от Казани на пароходе. Ехали мы пароходом до Астрахани, мама, папа, и нас семеро детей. Младшей Оле было 5 лет, мне 15. Из этой поездки мне запомнилось немного, и, как не стыдно

А.П.Жузе, 1931 г.

сознаться, — ожидание обеда и вкус чудесных щей. <...> Мама спускалась в паровой трюм, где и готовила эти щи, которые казались нам особенно вкусными после казанской голодовки. Рыбная ловля спасала всех, рыбы было много».

В Баку А.П. окончила школу и поступила на естественное отделение физико-математического факультета Бакинского университета, который окончила в 1929 г. В эти годы тяжело за-

болела мать: у нее открылся костный туберкулез, который тогда не умели лечить. Многие месяцы ей приходилось проводить в санаториях и больницах. Она скончалась в 1931 г. Основные обязанности по уходу за младшими сестрами и братьями легли на еще совсем юную Анастасию (или, как ее называли в семье, — Нусю). Удивительная доброта и чуткость натуры позволяли ей во многом заменять мать младшим детям. Исключительная близость между сестрами и братьями сохранялась всю их жизнь.

Несмотря на тяжелые материальные условия жизни в Баку, нехватку денег и продуктов, молодость брала свое. В Баку сложился круг друзей, отношения с многими из которых поддерживались всю жизнь. Вся молодежь семьи Жузе увлекалась оперой и драмой. В Баку приезжали лучшие драматические театры из Москвы (Малый, МХАТ, театр Мейерхольда). В 20-е годы в Баку были хорошие силы в опере, куда П.К.Жузе удавалось получать контрамарки. В эти годы возникла любовь А.П. к классической музыке.

После окончания университета Анастасия Пантелеймоновна не могла найти работу по профилю (гидробиология) в Баку. Пришлось устроиться в библиотеку, чтобы помогать семье.

Однако это ее угнетало, и она записывает в дневник: «Службы по специальности до сих пор нет, и я теряю надежду. Когда читаю работы ленинградских и других гидробиологов, вижу, насколько я ничего не стою, теряю время безрассудно, тогда как могла бы еще учиться и учиться».

Знакомство со специалистом по фитопланктону Иваном Александровичем Киселевым, работавшим в Ленинграде, позволило А.П. получить туда приглашение. Вот запись от 4.02.1930 (г.Баку): «26/1/1930 г. получила от И.А.Киселева письмо. <...> Он пишет, чтобы я послала бумаги на адрес Геологического института. Работа предполагается у В.С.Порецкого по диатомовым водорослям. Причем, главным образом, по ископаемым... Хотя бы все удалось. Я хочу уехать, хотя пугают в Ленинграде голодом и многими еще худшими страхами».

Оказавшись в Ленинграде, А.П. включилась в работы по изучению четвертичных отложений и под руководством Порецкого стала осваивать диатомовый анализ. С 1931 по 1937 г. она проводила исследования флоры водоемов Центральной России, Среднего Урала и Зауралья. Это были первые в практике мировой микропалеонтологии опыты применения диатомового анализа для восстановления истории современных водоемов. В своем дневнике в записи от 12.09.1930 она упоминает о первой встрече с К.К.Марковым (ее часть приведена в очерке о К.К.Маркове).

Встреча Константина Константиновича и Анастасии Пантелеймоновны вызвала у них взаимный интерес и симпатию друг к другу. Вместе они участвовали в полевых экскурсиях. Анастасия Пантелеймоновна с увлечением слушала доклады К.К., которые уже в его молодые годы привлекали многих. Постепенно симпатия перешла в любовь. В 1932 г. они поженились.

Людмила Лаврентьевна с дочерьми Нусей, Шурой и Олей. Баку, середина 20-х годов.

А.П. переехала к мужу. Вместе с ними в коммунальной квартире жили Елена Яковлевна Грейкис, вырастившая Константина Константиновича, и его сестра Надя, тоже географ, а также еще три семьи. Вскоре А.П. пригласила из Баку свою младшую сестру, семнадцатилетнюю Ольгу, чтобы помочь ей после смерти их матери. Таким образом, семья пополнилась еще одним членом.

В 1932 г. А.П. с Порецким участвовала в экспедиции по р.Ваге. Вот что она пишет об этой поездке: «14/VII/1932, г.Вельск. Началась моя поездка с Вадимом Сергеевичем Порецким по северным местам. Выехали из Ленинграда 10/VII/1932. Почти полтора суток ехали с В.С. на лошадях от станции Коноши до г. Вельска... (8/VIII/1932) Работу на р.Ваге закончили. Время, проведенное на реке, наверно, надолго останется в памяти как одно из интересных воспоминаний. Плыли 350 км двумя лодками: я, Вадим Сергеевич (Порецкий) и один рабочий вместе, и на другой лодке еще двое рабочих. Река очень живописна и совсем не страшная. Каждую ночь спали на берегу, на складных кроватях, под пологом, такое уймище было комаров. Иногда устраивались в какой-нибудь избе или на сеновале, но чаще прямо на берегу. Среди наших рабочих был молодой красавец из раскулаченных, семья которого вся погибла в этих северных местах. Бедные эти люди жили в дощатых палатках при 30—40-градусных морозах. В живых остались лишь молодые крепкие люди. Одного старика я видела в избе, где мы ночевали. Его привел конвоир перед тем, чтобы куда-то еще отправить. Он сидел молча, глаза его были полны тоски... Отсутствовала только один месяц, очень была занята, столько удалось увидеть; перемена мест, чудесные восходы солнца на реке и черные звездные ночи на берегу... Мне так нравилась неторопливая река Вага. Выплывали

до восхода солнца, все окрашено розовым, вода и небо. Целыми днями на реке с остановками у обнажений. Следила с азартом за охотой на уток, которой занимались наши рабочие, или сладко спала под мирные удары весел».

Благодаря хорошему знанию немецкого и французского языков, яркому таланту научного исследователя А.П. быстро и успешно освоила новое научное направление. В эти годы в Ленинграде сложился талантливый коллектив альгологов (специалистов по водорослям) — В.С.Порецкий, В.С.Шешукова-Порецкая, А.И.Прошкина-Лавренко, О.М.Знаменская, И.А.Киселев. Усилиями этих ученых были заложены основы стратиграфического и палеогеографического направлений в диатомовом анализе, надолго определившие бесспорно ведущее положение советской науки в мировой практике таких исследований.

Первая дочь А.П.Жузе и К.К.Маркова, названная в честь матери Анастасии Пантелеймоновны — Людмилы Лаврентьевны — Людмилой (Людшей), родилась в 1933 г. К величайшему горю родителей, ребенок скончался в возрасте трех лет от дизентерии. До конца своей жизни А.П. хранила чепчик и крестик своей маленькой дочки (нужно сказать, что А.П. была глубоко религиозным человеком).

В 1937 г. семья переехала в Москву, а через два года А.П. защитила кандидатскую диссертацию и опубликовала монографию «Палеогеография водоемов на основе диатомового анализа». Выход из печати книги был большим событием в научной жизни, в этой работе обобщены обширные материалы как отечественной, так и зарубежной литературы и намечены направления дальнейших исследований древних водоемов. 12 июля 1938 г. родился сын Митенька, еще через полтора года — дочка Аленушка. Невосполнимым горем Анастасии Пантелеймонов-

ны была их смерть во время войны, в эвакуации в Алма-Ате, где дети заразились дифтерией и одновременно скончались в январе 1942 г. А.П. одновременно с детьми заболела тяжелой формой дифтерии, была практически без сознания. Она говорила позднее, что это сохранило ей жизнь, так как не сразу осознала свою потерю.

В 1942 г. Жузе и Марков возвратились в Москву из эвакуации. Некоторое время А.П. работала в Институте географии (1942—1943), до рождения своего последнего ребенка — Анастасии. Забота о маленькой дочери заставила ее прервать постоянную работу. Сначала она выполняла работы на договорных началах для нескольких геологических учреждений, а в 1949—1951 гг. принимала участие в создании фундаментального труда по современным и ископаемым диатомеям СССР («Диатомовый анализ», в 3 томах). Этот коллективный труд (кроме нее, авторами были И.А.Киселев, В.С.Порецкий, А.И.Прошкина-Лавренко, В.С.Шешукова) отмечен премией им.В.Л.Комарова (1950) и Сталинской премией I степени по разделу биологических наук (1951). Вот что она пишет в дневнике об этом событии: «Вчерашний день — день полный радостного и, почему-то, грустного волнения. Из газет мы узнали о премировании нашего “Диатомового анализа” Сталинской премией I степени... Наш коллектив 5 человек, а также в числе награжденных — покойный Вадим Сергеевич Порецкий... С утра начались поздравления по телефону и телеграммы. Казалось, что все радуются за меня. А грустно мне потому, что не могли радоваться со мной многие, которые ушли из жизни... Лучше себя чувствую, когда ко мне нет внимания. По натуре боюсь быть нескромною...»

И еще одна запись: «23 августа 1951 г. в Доме ученых нам вручали дипломы лауреатов Сталинских премий и медали. Вру-

чение происходило в конференц-зале и обставлено было довольно скромно. Вручал... какой-то чиновник из комитета по Сталинским премиям. Несколько человек было знакомых... Я ушла с середины торжества... встретила в одном из залов Пантелеймона Леонидовича

Безрукова. Рассказала ему о своих последних данных по Охотскому и Беринговому морям, которыми он очень заинтересовался. Все эти материалы исходят от него. В разговоре он спросил меня, разговаривал ли со мной Валериан Григорьевич Богоров, зам. директора Океа-

нологического института. Я сказала, что нет. «Нам дали штатные единицы, и я рассчитываю пригласить вас в свой отдел»».

С 1951 г. научная деятельность А.П. неразрывно связана с Институтом океанологии АН СССР, где она до последних дней (до 1981 г.) работала в отделе геологии океана. Здесь она начала заниматься стратиграфией морских и океанических отложений, а также палеогеографией и палеоокеанологией Мирового океана.

А.П. всегда была независима в суждениях. В сталинское время многие ее близкие и коллеги были репрессированы, в частности ее брат, Владимир Пантелеймонович, который, к счастью, не был уничтожен. Она не скрывала своего радостного облегчения, когда в 1953 г. умер Сталин и когда еще очень немногие осмеливались открыто выражать такого рода чувства.

В 1959 г. А.П. защитила докторскую диссертацию, которая в 1962 г. была опубликована в виде монографии «Стратиграфические и палеогеографические исследования в северо-за-

А.П.Жузе в Париже, в лаборатории Ж.Дефляндра, 1966 г.

Кембридж, 1967 г. Слева направо: М.Г.Ушакова, Р.Симонсен (Германия), В.В.Мухина, (?), А.П.Жузе, Н.Хенди (Великобритания), Г.Хасле (Норвегия), Т.Каная (Япония), Л.Баркл (США).

падной части Тихого океана». В этой работе А.П. суммировала и всесторонне использовала результаты своих многолетних исследований. Ею впервые в мировой практике микропалеонтологических исследований на столь обширном материале были сопоставлены современная и ископаемая флоры диатомей, выявлена смена их комплексов во времени и заложены основы плиоцен-четвертичной борельной зональной шкалы. Современные модификации этой шкалы с успехом используются исследователями различных стран и в настоящее время.

Сопоставив изменения в составе ископаемой диатомовой флоры с климатическими и палеоокеанологическими характеристиками, А.П. восстановила историю формирования диатомовой флоры начиная с миоцена и наметила схему палеогеографического и палеоокеанологического развития всего дальневосточного региона.

В 60-х годах А.П. возглавила в институте группу начинающих микропалеонтологов, в которую вошли В.В.Мухина, С.Б.Кругликова, Г.Х.Казарина, М.Г.Ушакова, О.Г.Козлова, — ныне признанные специалисты по диатомеям, радиоляриям и кокколитах. С ними А.П. связывали не только научные интересы, но и дружеские близкие отношения. Группа А.П.Ж. (так называлось это неформальное объединение специалистов-микропалеонтологов) до сих пор хранит светлую память о своем замечательном учителе, жить рядом и работать вместе с которым было для них огромным счастьем.

Результаты совместных исследований группы опубликованы в ряде работ, в том числе в монографии «Тихий океан. Микрофлора и микрофауна в современных осадках океанов» (1969) и в «Атласе микроорганизмов в донных осадках Мирового океана» (1977).

Многие диатомисты, ныне широко известные не только

в нашей стране, но и за рубежом, находили совет, понимание и научную поддержку у А.П. В домашнем архиве семьи Марковых—Жузе хранятся письма с выражением искренней благодарности из разных городов и весей. Так, из Варшавы пишет С.Ружицкий, получивший от А.П. отзыв на докторскую (кандидатскую по нашим стандартам) диссертацию по четвертичным отложениям своей ученицы Барбары Марциняк: «...Глубоко обязан за оценку. <...> Ведь вы по диатомеям мировой авторитет! <...> Примите мою искреннюю благодарность за благосклонную опеку над трудами Барбары...»

Здесь же письмо из Стокгольма от коллеги, только что прочитавшего ее новую работу, и множество корреспонденции от учеников и стажеров.

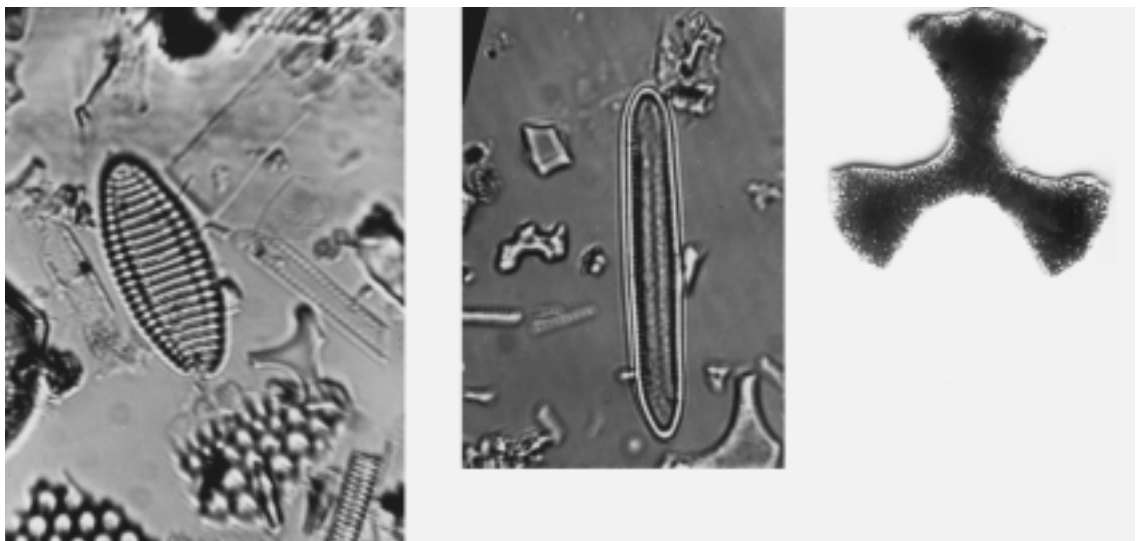
Легко и уютно было с ней молодежи, уверенной в том, что просто и доброжелательно она поможет разрешить самые разнообразные проблемы — сказывался неоспоримый педагогический талант. Во всех концах нашей страны работали и продолжают работать микропалеонтологи, с гордостью относящие себя к школе Анастасии Пантелеймоновны Жузе.

А.П. была безусловным научным лидером, авторитет которого признавали не только многочисленные коллеги и ученики

В 1980 г.

в нашей стране. Огромным уважением пользовались ее работы и у зарубежных микропалеонтологов, со многими из них она поддерживала дружеские отношения долгие-долгие годы, переписываясь, обсуждая еще не опубликованные рабочие материалы, обмениваясь образцами, препаратами, литературой. Корреспонденция к А.П. поступала из Швеции, Франции, Англии, Чехии, Германии, Венгрии, Японии, Норвегии, США и многих других стран. В письмах была не только научная информация. Часто коллеги делились с А.П. своими житейскими заботами,

Микрофотографии диатомей *Jousea elliptica* и *Nitzschia jouseae* и радиолярии *Dictyocoryne jouseae* (увел. 900 раз), названных в честь А.П.Жузе.

В Институте океанологии им. П.П.Ширшова РАН (1979). Слева направо сидят: А.П.Жузе, М.П.Чеховская, Алан Бе (США), К.В.Беклемишев, С.Б.Кругликова; стоят: Н.В.Беляева, М.А.Левитан, Г.Х.Казарина.

печалью и радостью. В фотоальбоме А.П. большое количество фотографий не только коллег по работе, но и их супругов и детей.

А.П.Жузе была великолепным организатором, ее оптимизм и научный энтузиазм помогли консолидироваться диатомологам всего мира. Она была инициатором создания Международного симпозиума по современным и ископаемым диатомеям, первое совещание которого состоялось в 1967 г. в Кембридже. И с тех пор оно проводится раз в два года, собирая несколько сотен специалистов.

Последние годы жизни А.П. счастливо совпали с бурным развитием геологических и, прежде всего, микропалеонтологических исследований в океанах, связанных с началом работ бурового судна «Гломар Челленджер». Жузе, как уникальный специалист, знавший и современную, и древнюю морскую диатомовую флору, активно включилась в изучение материалов из различных частей Мирового океана.

В этот период А.П. с группой своих сотрудников публикует многочисленные работы (монографии, статьи, разделы в отчетах по глубоководному бурению), в которых развиваются современные представления

о зональной стратиграфии океанских осадков для различных климатических поясов, об эволюции флоры диатомей Мирового океана, детализируются таксономия и систематика диатомовых водорослей.

На основании изучения ископаемых материалов, включая материалы глубоководного бурения с бурового судна «Гломар Челленджер», А.П. установила последовательность развития бореальной, тропической и антарктической флор диатомей начиная с эоцена. Впоследствии многие из этих данных были использованы для разработки кайнозойских стратиграфических шкал по диатомеям.

Анастасия Пантелеймоновна опубликовала шесть монографий, более 100 научных работ. Ею было описано огромное количество новых таксонов, в том числе: порядок *Mediales*, подсемейство *LiradESCOIDEAE*, роды *Bogorovia*, *Kozloviella*, *Lisitzinia*, *Poretzkia*, *Pseudopodosira*, *Riedelia* и 165 новых видов диатомей и силикофлагеллят.

Глубокое уважение и искренняя любовь, которыми пользовалась А.П. у своих коллег-микропалеонтологов, нашли отражение в названиях новых таксонов микроорганизмов, названных отечественными и зарубеж-

ными исследователями в ее честь.

* * *

Анастасии Пантелеймоновне всегда удавалось совмещать научную работу с домашними хлопотами. Бытовая сторона жизни семьи в основном лежала на ней. К.К. часто находился в экспедициях и командировках, был очень занят. В доме же постоянно собирались родные и близкие друзья: подруга А.П. — А.А.Благовещенская, сестры Тамара и Ольга, братья Владимир и Борис. Большое внимание А.П. уделяла племянникам, и особенно дочери брата Бориса, Тане, которая каждое лето проводила на даче в деревне Ивановское на Истре вместе с семьей Маркова—Жузе, где ее считали второй дочерью. Здесь собиралась большая компания. Условия жизни были самые простые: готовили на керосинке, воду носили в ведрах с колodца, что не мешало наслаждаться чудесной природой Подмосковья, совершать прогулки вдоль Истры, походы за грибами и ягодами.

Даже на даче А.П. находила время подолгу работать за микроскопом. Поддержка близких, умение смягчать сложный характер К.К., во всем помогать

На даче, 1962 г.

дочери и внуку было для нее естественной потребностью. Никогда не ругала за плохие отметки в школе, а, напротив, утешала. Много читала им вслух в детские годы, стараясь выбирать что-то подходящее из Пушкина, Чехова и Льва Толстого. А.П. никогда ничего не требовала от своих близких, была очень легким по характеру человеком: больше «давала», чем «брала».

До старости в ней сохранялась детская наивность, она легко удивлялась. Всегда глубоко ее трогала музыка, особенно в исполнении Святослава Рихтера, который был ее любимым исполнителем. Так она пишет о посещении его концерта в 1952 г.: «Слушаю второй раз 3-й концерт Бетховена в исполнении С.Рихтера. Вчера слушала его на концерте в зале Чайковского, а сегодня по радио. Сидеть в чудном зале, видеть вокруг нарядных людей, постепенно уносится мыслями — было так хорошо. У меня всегда

чувство страха за Рихтера. Вот второй день он играет с такой силою...»

Анастасия Пантелеймоновна любила литературу, постоянно возвращаясь к своим любимым писателям — Льву Толстому и Ф.М.Достоевскому. Очень ценила произведения А.П.Чехова, М.Пруста, Г.Мопассана, К.Гамсуна. Читала Франсуазу Саган по-французски и Агату Кристи на английском языке, который выучила уже в преклонные годы. Знала также немецкий язык. Практически каждый день находила время написать несколько строк в свой дневник, который представляет летопись ее жизни. Вела многолетнюю переписку со своими друзьями А.И. и Е.М.Лавренко, Г.И.Горецким, шведским ученым Кольбе и многими другими. Анастасия Пантелеймоновна была, несомненно, литературно одарена; это проявлялось в ее письмах, дневнике, а также в сочиняемых ею экспромтом сказках, которые она рассказывала изо дня в день

сначала своей маленькой дочери, а впоследствии внуку.

Сохранилось письмо белорусского геолога, академика Г.И.Горецкого, Анастасии Пантелеймоновне Жузе: «Я Вам уже как-то говорил о песенке Петра (имеется в виду герой — вернее, героиня — одноименного фильма), в которой поется о том, что “хорошо, когда работа есть”. А работа — это ведь жизнь; любимая же работа — это счастье, творческая же работа — неувядающее счастье». Исходя из этой оптимистической классификации, А.П. была счастливым человеком, несмотря на удары судьбы и трудности жизни. И еще несколько строк из другого письма Горецкого: «...На моем исследовательском пути встречи с Константином Константиновичем и Вами оказали самое благотворное влияние. Земной поклон Вам, дорогие прекрасные спутники, обогатившие жизнь и мою, и многих, многих других». ■